

*Это то, чем живет детвора в забытых богом дворах,
Хули там: якудзы, триады, коза ностры —
В России рано повзрослели дети девяностых.*
N1NT3NDo — «Криминал»

*Know you a god even
when they say you ain't.*
Кендрик Ламар — «Wacced Out Murals»

1

Всё началось с двери, которой быть не могло. После случившихся в один месяц смерти жены и выхода на пенсию жизнь Тельмана Денисовича Давидишвили замедлилась — тяжело, с лязгом и пытением, как прибывший на станцию товарный поезд. Вздохнула, осаживаясь. Встала.

Поначалу он по инерции продолжал ходить в букинистический магазин на углу Крепостного и Энгельса; уже не как продавец, которым работал последние два десятка лет, а просто — подышать любимым запахом истории, потрогать корешки книг, поговорить с редкими покупателями. Новый продавец, неопределенного возраста юноша с перхотью, которого Тельман Денисович про себя называл Аспирантом, вроде не возражал. Лицо у него было вечно недовольное, брюзгливое, но на свой

счет это недовольство Тельман Денисович решил не принимать: кому сейчас легко.

Ситуация в магазине довольно быстро изменилась. Люди с испуганными глазами понесли на оценку огромные связки — и сокровища, вроде сине-бордового первого издания БСЭ 1926 года, и мусор наподобие полных собраний сочинений заунывных деревенщиков шестидесятых. Перед букинистическим выстаивались шумные очереди. Аспирант принимал на реализацию только очень редкие и ценные книги (причем, как подозревал Тельман Денисович, забирал их себе, чтобы втридорога продать столичным коллекционерам), огрызался на посетителей и всё чаще в неподобающее время запирал двери, вешая за стеклом табличку «Переучет». Вскоре новый продавец и вовсе исчез, подтвердив тем самым все подозрения, а на месте магазина буквально за ночь открылся пункт обмена валют — туда Тельману Денисовичу ходить было уже, разумеется, незачем.

Детей у них с покойной Аленой Ивановной не было, зато была собака — «дворянской» породы, но с характерными для бывших, видимо, в ее роду спаниелей грустными глазами и длинными, вечно воспаленными ушами. Маркиза, в быту Маруся, после смерти хозяйки некоторое время разрывала сердце Тельмана Денисовича вопросительным взглядом — мол, где мама?.. Чтобы отвлечь и Марусю, и себя, он стал ходить с собакой в долгие пешие прогулки: от переулка Журавлева, где они жили, к парку Вити Черевичкина и дальше, иногда

аж до самой Нахичевани. Маруся была собакой суетливой и не очень умной: запутывала поводок, подбирала с земли и судорожно жрала всякую дрянь, по спаниельему обычаю пыталась вываляться в дохлых голубях, — не давала, короче говоря, Тельману Денисовичу утонуть в грустных мыслях. После этих прогулок он так уставал, что, вернувшись домой и помыв собаке лапы, готовил себе нехитрый ужин (гречка или картошка; когда удавалось достать — сарделька; по сезону — огурец или помидор; а чаще и просто два-три вареных яйца с хлебом), кормил собаку купленными на базаре свиными обрезками — и засыпал в кресле, так и не дочитав газету «Молот».

Но и это продолжалось недолго. Маруся вдруг начала болеть и хандрить; с поскуливанием выползала погулять во двор — и, быстро устав, просилась домой, где безжизненно лежала на боку; а вскоре и вовсе почти перестала вставать и начала писаться под себя. Тельман Денисович беспокоился, пытался записаться на прием к ветеринару, но где там: очереди стояли на месяцы. У людей дохли куры, переставали давать молоко коровы, чахли козы, оставляя целые семьи наедине с вполне реальной перспективой голода.

— Куда ты, дурак старый, с шавкой, — гавкнула на него замотанная в не по погоде теплый платок тетка в ветеринарке за Центральным рынком. — Сдохнеть, так судьба у ней такая.

Дома находиться стало мучительно, душно. Начало нехорошо ломить, покалывать и тянуть — как по

сигналу, сразу во всём теле, словно кто-то дернул рубильник.

Тельман Денисович пробовал гулять просто так, без собаки, но получалось это не очень хорошо: в голову, свободную от постоянного присмотра за Марусей, лезли нехорошие мысли. Каждый шаг отдавался в организме болезненным эхом, стучало в ушах, было скучно и жалко себя.

Он почти перестал выходить из дома. Говорил себе, что из-за погоды: поздняя осень и зима 1993 года выдались еще более противными, чем обычные ростовские поздние осени и ранние зимы. Телевизора у Тельмана Денисовича не было: никогда не мог себе позволить с зарплаты букиниста. Он, не вдумываясь, перечитывал собрание сочинений Пушкина, в котором не хватало двух томов — их сгрызла тогда еще молодая и энергичная Маркиза. Читал «Молот» от корки до корки, включая выходные данные и адрес редакции. Закончив, иногда снова переворачивал газету и читал заново, чтобы разум был всё время занят.

Разум этими фокусами было, конечно, не обмануть.

Одним февральским днем, глядя на переулок Журавлева сквозь пыльную гардину («Аленина прихоть», — мелькнула болезненная мысль), Тельман Денисович вдруг понял: вот так он скоро и умрет. Один, не считая больной собаки. Угаснет в пустой квартире.

Это осознание его напугало и встряхнуло. Тельман Денисович вскочил, забегал по крохотной

квартире, беспорядочно открывая все двери и ящички, и, наконец, нашел в кладовке сто лет назад подаренную кем-то удочку.

Рыбалка оказалась спасением. Он целый день проводил на свежем воздухе, глядя на поплавок, — как выяснилось, это требовало одновременно сосредоточения и отрешения. Ни о чем плохом за ловлей рыбы думать было нельзя; по правде говоря, думать было нельзя вообще ни о чем. Тельман Денисович растворился в своем новом хобби — и почти не заметил, как сопливый черный февраль сменился буйным ростовским мартом.

Подчиненная новым ритуалам жизнь сдвинулась с места — снова медленно и со вздохами, как локомотив. Каждое утро он водил во двор приободrivшуюся Маркизу, возвращал ее домой, брал удочку и спускался по Журавлева вниз, к набережной. Несколько часов удил с парапета, съедал принесенные с собой вареные яйца с хлебом, еще несколько часов ловил рыбу, прогуливался по набережной до гостиницы «Якорь» и возвращался домой кормить собаку.

Появились и новые проблемы.

Во-первых, как с неудовольствием выяснил Тельман Денисович, на набережной образовалась (а может, всегда там была, просто он такими вещами не интересовался) своеобразная рыбацкая мафия. Корявые мужички в телогрейках и шапчонках сначала просто с неудовольствием поглядывали на конкурента, но со временем осмелели и начали на него шикать и гонять с рыбных, по их представле-

ниям, мест. Тельман Денисович, будучи человеком от природы робким и неконфликтным, смиренно перемещался на несколько метров дальше — но и оттуда его гнали.

Во-вторых, он не знал, что делать с пойманной рыбой. По первости улов вызывал эйфорию; он возвращался домой, хвастался Маркизе шамайками и чебаками, вынимал рыбу из специального ведерка и... И всё. Резать и потрошить живое существо Тельман Денисович не умел и боялся; да и готовить при живой Алене было без надобности, а теперь — уже поздно учиться. Рыба отправлялась обратно в ведерко, где всю ночь плескалась, мешая спать. Наутро Тельман Денисович относил улов соседу Дядьсереже — просто так, без денег (спекулянт он на старости лет тоже становиться не собирался). Дядьсережа радостно ухал и звал на уху — но так, формально, без души. Оба знали, что никакой совместной ухи — не предвидится. В конце концов Тельман Денисович начал пойманную рыбу просто выпускать обратно в Дон — тоже ведь жить хочет, хоть и шамайка. Маркиза ее есть отказывалась. А у Дядьсережи — морда треснет.

В свете этих обстоятельств Тельман Денисович решил ловить рыбу не на набережной, а на Зеленом острове. Путешествие это было неблизкое: нужно было сначала доехать на трамвае до 29-й линии, почти до элеватора, пересечь Нахичеванскую протоку по понтонному мосту, а потом еще и идти по самому острову в поисках тихого местечка, не засиженного ранними апрельскими отдыха-

ющими. Дело, однако же, того стоило: мафиозные мужички с набережной до Зеленого острова пока не добрались, плюс можно было не беспокоиться о долгой обратной дороге с тяжелым уловом, — он даже ведро с собой перестал брать.

Зеленый остров, на котором Тельман Денисович за шесть десятков лет своей жизни в Ростове почему-то никогда раньше не был, ему сразу понравился. За несколько недель он изучил всю нехитрую топографию: заросли, холмики, скелет санатория с выцветшей надписью «Стальцех», редкие покосившиеся скамеечки в казавшихся случайными местах. На острове было спокойно и почти всегда безлюдно: отдыхающие предпочитали вонять своими мангалами на Гребном канале или на левом берегу Дона, добираться куда было гораздо проще и быстрее. Тишину нарушала только музыка с палуб проходящих мимо острова речных трамваев, песни осмелевших по случаю весны птиц и рыбы всплески в Дону. Иногда Тельман Денисович представлял себя Робинзоном на необитаемом острове — с той только поправкой, что ему одиночество нравилось, и на «большую землю» возвращаться не хотелось.

Одним нехарактерно пасмурным апрельским днем он неспешно шел по своим владениям (Тельман Денисович быстро начал думать о Зеленом острове именно в таких выражениях) к крохотной бухте, в которой хорошо клевали чебаки. Мысли разгладились, округлились, замедлились: знакомый Дядьсережин ветеринар обещал по

дружбе посмотреть Маркизу, надо бы отблагодарить его свежей рыбой, ведро не взял, так это ж когда еще будет, ну вот пусть сначала посмотрит, а потом отблагодарим, а после этого можно и собаку сюда будет приводить, пусть свежим воздухом дышит...

Тогда он и увидел дверь, которой раньше здесь точно не было.

Тельман Денисович запнулся и чуть не упал, едва удержал равновесие. Только вот не хватало сломать ногу посреди острова, да еще в будний день, когда тут вообще ни души, в двадцати минутах хода до ближайшего телефона-автомата или живого человека...

Снова посмотрел на дверь.

Нет, не привиделось.

Центр Зеленого острова был покрыт буйными кушерами, в глубину которых Тельман Денисович никогда не совался — чего ему там делать? Дверь вертикально торчала посреди этих зарослей. Самая обычная, деревянная, с ржавой круглой ручкой, как у какой-нибудь подсобки или сарая.

С исцарапанной и грязной, но вполне читаемой латунной табличкой «Не входить!».

Только вот ни подсобки, ни сарая за дверью — не наблюдалось.

Странно было это всё.

Тельман Денисович хотел было пролезть сквозь кусты и посмотреть на дверь с обратной стороны, но тут же убедил себя этого не делать: во-первых, не хотелось обдираться о ветки и пачкать одежду,

а во-вторых, может, кто-то ее сюда специально привез, эту дверь. Лучше не трогать, чтобы не угодить в какие-нибудь неприятности (которых, по его наблюдениям, вокруг происходило с каждым днем всё больше).

Пожал плечами, пошел ловить рыбу, но быстро понял, что это дело сегодня не задастся.

Из-за туч пекло, по спине тек пот, чебаки даже не пытались клевать. В какой-то момент Тельман Денисович ощутил, что сидеть спиной к странной двери ему неудобно. Оглянулся — дверь стояла на прежнем неположенном месте. Отругал себя за излишнюю впечатлительность, но удочки смотал и засобиравался в обратный путь — знал уже, что рыбалка не терпит мысленной и физической суеты. Только зря время тратить.

...Этой ночью дверь ему приснилась.

Сны свои Тельман Денисович в деталях никогда не помнил — так, только какие-то обрывки.

Дверь во сне была — четкая, подробная, как настоящая. Из-под нее пробивался теплый добрый свет. Даже заросли Зеленого острова во сне выглядели как-то нежно и гостеприимно.

Тельман Денисович проснулся — и обнаружил, что щёки и подушка намокли от слез.

Следующие несколько дней до Зеленого острова ему добраться не удавалось. Сначала зарядили бодрые южные грозы. Потом он надолго застрял на Центральном рынке, пытаясь раздобыть обрезки для собаки: мясные ряды стояли пустыми; еле нашел на Нахичеванском. Потом потратил целый

день на поездку на Северное кладбище — была годовщина смерти Алены Ивановны.

О двери всё это время он не забывал ни на секунду — и не мог ответить себе на вопрос, почему. Тельман Денисович всю свою долгую жизнь считал себя человеком рациональным и маловпечатлительным, за что Алена в свое время даже дразнила его смешным филологическим словом «фетюк». Он не возражал, потому что ничего плохого в своей серьезности не видел. Мужчина же, не пигалица какая-нибудь!

А тут — дверь.

Как-то влекло к ней всё то время, пока погода и дела отменили рыбалку.

Несколько раз он делал себе строгие выговоры: придумал тоже, дурак старый! Не иначе, из ума начал выживать от одиночества!

В таком взволнованном ожидании он помнил себя только много десятков лет назад, когда начал встречаться с Аленой; в таком воодушевлении, как ждал трамвая к 29-й линии... Кажется, вообще никогда ничего не ждал.

По дороге на Зеленый остров привел себя в чувство, подуспокоился. Никакой двери там, скорее всего, давно уже нет. А если и есть, то вокруг нее начал расти самострой, который в последние годы в городе и окрестностях принял масштабы эпидемии. Наверняка какие-нибудь жуки решили построить себе халабуду, распивать там спиртное и заниматься разного рода пакостями. Развелось сейчас!

...Дверь была на месте. Никакая халабуда вокруг нее не образовалась.

Тельман Денисович аккуратно положил на землю удочку и складной матерчатый стульчик.

Огляделся — а вдруг это розыгрыш, и из кустов на старика сейчас с хохотом выскочит молодежь?

Подождал.

Никто ниоткуда не высказивал.

Было очень тихо.

Он вспомнил добрый свет, который пробивался из-под двери во сне.

Присмотрелся: на дворе был белый день, да и зрение у него с годами ощутимо сдало, — но за дверью, кажется, что-то отсвечивало и в реальности. Хотя за кушерами было толком не разглядеть...

Он сделал осторожный шаг к зарослям.

Неожиданно для себя ломанулся напролом, с хрустом, не обращая внимания на больно хлещущие по бокам и ногам ветки.

Дернул металлическую ручку, будучи полностью уверенным, что дверь упадет и придавит его, старого дуралея.

Дверь открылась.

Глаза Тельмана Денисовича широко распахнулись. По щекам потекли слёзы.

Он засмеялся, не прекращая плакать.

За дверью была его собственная квартира в переулке Журавлева: летняя, с пляшущими в солнечном свете пылинками. Пахло голубцами и теплом. Маркиза, еще совсем щенок, гавкала и крутилась под ногами улыбающейся Алены Ивановны.

Тельман Денисович шагнул вперед на подгибающихся ногах, не веря глазам.

Дверь за ним захлопнулась.

...То, что через несколько секунд вышло из невозможной двери обратно в кушера Зеленого острова, уже не было Тельманом Денисовичем.

2

— Э, сюда подошел, слышишь!

Лох дернулся, как будто в него бросили камень, втянул голову в плечи и, не оглядываясь, ускорил шаг.

Кричавший хмыкнул — все эти маневры ему были очень хорошо знакомы.

— Алё, чертила! Догоню — пиздец тебе!

Он затоптал на месте, словно и в самом деле рывнувшись догонять. Потерявший остатки самообладания лох сквозанул в сторону людной улицы Добровольского, размахивая пакетом со сменкой и путаясь в не по размеру огромной и не по сезону теплой куртке. Из-под его ног летела жирная мартовская грязь.

Дальнейших вариантов развития событий было два. Если лох так молча и съебется, то и хрен с ним, — надо будет только при неизбежной следующей встрече отловить его и дать шпалу, чтобы впредь слушался старших. Если же он не удержится и напоследок огрызнется, то...

— Я брату скажу! — вякнул малолетка, уже добежавший до выхода из двора.

А вот такого уже спускать с рук было нельзя.

— С-с-сука. А ну стоять!

Кричавший легко сорвался с места и дернул следом — точнее, попытался.

Кто-то хапнул его за плечо, развернул.

Оба потеряли равновесие, схватились друг за друга, затоптали по грязи.

Кричавший бешено выдрался, готовый снова вцепиться, бить, рвать глотку.

Разглядел помеху, сдулся.

Напоследок с ненавистью посмотрел в сторону, куда скрылся дерзкий малолетка.

— Всё, харэ, не у себя на ЦГБ. Тут на районе беспределить не надо. Мы серьезные дела делаем, а не малых щемим.

— Дохуя уже наделал? — огрызнулся собеседник.

Тормознувший его пацан криво улыбнулся, показав дыру на месте переднего зуба. Сплюнул в сторону.

Кого другого уже втаптывал бы в землю, но тут был особый случай.

— Ну вот с тобой и наделаю, Крюгер, — сказал он и примирительно хлопнул всё еще трясущегося от злости Витю по плечу.

3

Пух никак не мог привыкнуть к новой квартире. Худородовы переехали почти полгода назад, прошлым ноябрем. Произошло это не от хорошей жиз-

ни: отец, которого выперли с геофака РГУ за невоздержанность в политических высказываниях, своего места в стремительно меняющейся жизни так и не нашел. Довольно быстро они продали всё, что можно было продать, хотя покупателей было мало, а денег у них было еще меньше. После этого Софья Николаевна вывесила на подъездах их дома объявление об обмене их квартиры на меньшую по площади с доплатой. Предприятие это было, судя по всему, рискованное и связанное с не вполне понятными Аркаше опасностями: бывший профессор Натан Борисович Худородов истерил и (неубедительно) угрожал наложить на себя руки в случае неизбежного переезда семьи на теплотрассу к бомжам, неумело пытался запить и вел себя в целом безобразно.

Всё, однако, сложилось неожиданно удачно: их квартиру без лишних разговоров забрал мордатый кооператор из третьего подъезда: его беременной жене очень уж понравилась светлая трешка с видом; поменялись и переехали — быстро.

Аркаша лишился собственной комнаты, полученные в качестве доплаты деньги быстро проелись, папины истерики участились и усилились, а к Новому году семья опять оказалась на грани катастрофы.

Избежать ее удалось благодаря маме: она ответила на увиденное в газете «Город N» объявление о поиске главного бухгалтера в строительную компанию «СБД» — и после первого же собеседования получила работу. Дела у нее там быстро пошли